
ДЕИНСТИТУЦИАЛИЗАЦИЯ ВОСПИТАНИЯ ДЕТЕЙ-СИРОТ: РОССИЙСКИЙ ДИСКУРС И ПРАКТИКА

Л.В. Ежова,

Е.М. Порецкина

Статья посвящена исследованию по выявлению мнений целевых групп по поводу возможной деинституциализации заботы о детях в возрасте до трех лет, в частности, изучению отношения к альтернативным формам содержания детей, оставшихся без попечения родителей, и мнения целевых групп по поводу процесса развития служб помощи семьям, попавшим в кризисные ситуации. Исследование проводилось в 2003 году в городах Санкт-Петербурге и Луге методами интервью и фокус-групп, и охватывало чиновников и специалистов разных уровней, имеющих отношение к проблемам устройства маленьких детей, оставшихся без родителей по различным причинам. Авторы утверждают, что такие дети становятся в нашем обществе стигматизированными с самого рождения. Рассматриваются причины нераспространенности альтернативных форм содержания детей и служб помощи кризисным семьям, а также основные проблемы на пути их создания.

Ключевые слова: права ребенка, деинституциализация, стигматизация, дети-сироты, дома ребенка, приемные семьи, альтернативные формы содержания детей, службы помощи семье

В мае-июле 2003 года по заказу фонда Every Child Центром независимых социологических исследований было проведено исследование в двух городах: Санкт-Петербурге и небольшом областном городе Луга, находящемся в 140 километрах от северной столицы. Исследование было посвящено выявлению спектра мнений и аттитудов целевых групп по поводу возможной деинституциализации заботы о детях младшего возраста, в частности, изучению отношения к альтернативным формам содержания детей, оставшихся без попечения родителей, и мнения целевых групп по поводу процесса развития служб помощи семьям, попавшим в кризисные ситуации.

Основными методами исследования были глубинные интервью и фокус-группы. Для глубинных интервью в качестве целевой группы были выбраны должностные лица, отвечающие за социальную и финансовую политику в отношении защиты прав семьи и детства в Санкт-Петербурге и Луге: руководители территориальных управлений или их заместители, чиновники комитетов по здравоохранению, образованию, социальной защите населения; уполномоченный по правам детей на Северо-Западе, главные врачи и заведующие отделениями родильных домов и домов ребенка.

Было проведено четыре фокус-группы (две в Петербурге, две в Луге) для двух групп специалистов. Первая группа: специалисты, которые в родильных домах могут влиять на принятие решения отказа родителей от ребенка (акушерки, врачи-педиатры); специалисты, работающие в домах ребенка. Вторая группа: специалисты, в должностные обязанности которых входит работа по защите прав детей (инспектора по охране прав детства, по опеке и попечительству муниципальных советов, работники центров социальной защиты, центров «Семья», патронажные медицинские сестры, главы территориальных управлений, чиновники комитетов при администрации городов).

Прежде, чем мы приступим к описанию эмпирических данных исследования, остановимся на кратком анализе международного и российского законодательства о правах ребенка, а затем приведем некоторые статистические данные, которые могут помочь оценить глубину проблем, связанных с детьми-сиротами.

Международное и российское законодательство о правах детей

Права и основные свободы ребенка гарантируются на двух уровнях: международном и внутригосударственном, которые тесно связаны между собой и взаимозависимы. Международный механизм защиты прав человека начинает функционировать только после того, как исчерпаны возможности внутригосударственного механизма. В свою очередь, внутригосударственное законодательство по защите прав и основных свобод человека ориентировано на международно-правовые акты.

Международные универсальные организации еще в начале прошлого столетия активно обсуждали вопрос о необходимости на международном уровне придать правам детей силу норм договорного права (Женевская Декларация прав ребенка 1924 года, Декларация прав ребенка ООН 1959 года). Основы международной правовой защиты были заложены Уставом ООН, а его положения затем конкретизированы и развиты в различных международных документах.

Конвенция о правах ребенка, принятая Генеральной Ассамблеей ООН 20 сентября 1989 года и вступившая в силу 2 октября 1990 года, является на сегодняшний день основным правозащитным документом на международном уровне. В 1990 году ее ратифицировали 20 государств, к 2002 году – 191 госу-

дарство. Россия ратифицировала конвенцию 2 октября 1990 года. Конвенция – это не столько перечень прав ребенка, сколько всеобъемлющий список обязательств, которые государства, принявшие конвенцию, готовы признать в отношении прав ребенка. Обязательства могут быть прямыми (например, предоставление возможности для лечения) либо косвенными (позволяют родителям, другим членам семьи, опекунам выполнять обязанности воспитателей и защитников ребенка).

Именно Конвенция ставит ребенка на центральное место в доме, в общине, в обществе; в ней заявлено, что дети имеют право на особую помощь и заботу. Конвенция не является документом прямого действия, она обязывает государства, ее подписавшие, обеспечивать законодательную гарантию прав детей. Каждые пять лет государства-участники готовят доклад о шагах по внедрению конвенции в местное законодательство. Доклады оцениваются и обобщаются Комитетом по правам ребенка, который состоит из 10 независимых экспертов. Программы, проводимые неправительственными организациями в Российской Федерации, являются результатом провозглашенного конвенцией международного сотрудничества.

Главенствующим правом является право ребенка на жизнь (ст. 6 конвенции). Дети имеют право расти в атмосфере, благоприятной для здоровья. В статье 24 предусмотрены практические шаги, которые должны предпринять страны после подписания и ратификации Конвенции. Кроме того, эта статья призывает государства принимать «любые эффективные и необходимые меры с целью упразднения традиционной практики, отрицательно влияющей на здоровье детей». В частности, такой практикой считается содержание детей-сирот в государственных учреждениях.

Защита прав ребенка осуществляется также через различные международные организации. Защитой прав детей в отдельных областях занимаются различные учреждения ООН: Международная организация труда (МОТ), Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ), Организация объединенных наций по вопросам культуры, науки и образования (ЮНЕСКО), Детский фонд ООН (ЮНИСЕФ).

После ратификации Конвенции ООН о правах ребенка, российское законодательство стало приводить свои законодательные и подзаконные акты в соответствие с требованиями конвенции. В январе 1992 года Россией были подписаны «Всемирная декларация об обеспечении выживания, защиты и развития детей» и «План действий по ее осуществлению».

Первым практическим шагом по реализации целей и задач конвенции стал указ Президента РФ от 1 июня 1992 года «О первоочередных мерах по реализации Всемирной Декларации об обеспечении выживания, защиты и развития детей в 1990-е годы». Основные направления государственной социальной политики по улучшению положения детей были утверждены указом Президента РФ 14 октября 1995 года. Целью государственной социальной политики по улучшению положения детей на период до 2000 года явля-

лось преодоление нарастания негативных тенденций и стабилизация положения детей, создание реальных предпосылок для положительной динамики процессов жизнеобеспечения детей. В том же году был принят новый Кодекс о семье, который стал основой для разработки и создания нового подхода к системе социальной защиты семьи и детства. В 1997 году в России открылось представительство Детского фонда ООН. По его предложению в России появились уполномоченные по правам ребенка.

В 1998 году Государственной думой был принят Федеральный закон «Об основных гарантиях прав ребенка в РФ» № 124-ФЗ. Он состоит из 25 статей и устанавливает основные гарантии прав и законных интересов ребенка в целях создания правовых, социально-экономических условий для их реализации. В марте 2000 года специальная сессия Российского правительства была посвящена проблемам сиротства. Министерству образования были даны задания подготовить необходимые решения правительства – в частности, создание поста Российского Детского Омбудсмана; проведение реформ местных органов опеки, ориентированных на семью и на деинституционализацию сирот.

Таким образом, нельзя говорить о том, что Российская Федерация не занимается вопросами соблюдения провозглашенных Конвенцией ООН прав ребенка. Однако реальных трудностей в этой сфере еще достаточно: комплекс проблем, порожденных социально-экономическим кризисом последнего десятилетия, ставит задачи, решение которых требует выработки новых подходов, в том числе в организации работы по поддержке семьи, материнства и детства, обеспечения права каждого ребенка жить и воспитываться в заботливой семейной среде. Проблемным остается вопрос о поддержке уровня жизни детей и выработке механизмов противодействия рискам для детей. Все эти и многие другие российские проблемы по правам детей регулярно поднимаются в докладах для Комитета ООН по правам ребенка [см., например: Альтшулер, Северный, 2000].

Кроме того, одним из основных вопросов российской социальной политики является необходимость взаимосвязи российского законодательства с исполнительной властью, с практическими требованиями по выполнению Конвенции ООН, поскольку правовая база РФ существенно опережает практические действия по защите прав ребенка.

Немного статистики

В 1990-е годы значительная часть показателей состояния здоровья детей в России ухудшилась. Это стало результатом радикальных перемен в экономической, политической, социальной жизни России. Так, по данным исследования Всемирного банка [Положение детей, 2003. С. 8], рост заболеваемости детей с 1994 по 2000 год среди новорожденных составил 59 %, детей в возрасте от 0 до 14 лет – 30,7 %. За последние 10 лет число детей, оставшихся без родительского попечения, выросло на 40,3 % (почти 2 % от численности детей в России в 2000 году) [Положение детей, 2003. С. 10].

В 2000 году примерно 36 200 детей, оказавшихся без попечения родителей, помещены в детские учреждения интернатного типа. Большая часть детей усыновляется, отдается на попечение родственникам или приемным родителям, но все-таки 27 % детей попадает в такие учреждения. Порядка 8 % детей помещаются во временные приюты и ждут места в детских интернатах. Растет количество таких учреждений и специалистов, работающих в них, – с 15 685 человек в 1992 году до 35 401 человек в 2000 году. При этом следует отметить, что практически ни одно высшее учебное заведение не готовит специалистов для работы с детьми-сиротами. Общая стоимость содержания этих детей составляет примерно 720 млн долларов США, или 0,21 % ВВП [Положение детей, 2003. С. 24].

В Санкт-Петербурге ситуация также достаточно сложная. Численность детей Санкт-Петербурга на начало 2002 года составляла 878 700 человек, удельный вес детских возрастов составлял около 19 % всего населения. Большое число разводов в городе (в 2001 году было зарегистрировано 34 982 брака и 30 637 разводов) способствует росту количества неполных семей с детьми. В 2001 году 2,2 % от всех детей в Санкт-Петербурге столкнулись с материальными и психологическими проблемами, связанными с разводом их родителей. Количество судебных споров, связанных с воспитанием детей, растет год от года. Подобные споры в 2001 году затронули интересы 775 детей.

В 2001 году число детей, родившихся у матерей моложе 18 лет, не состоящих в зарегистрированном браке, составило 337 (1 % от всех родившихся). Число детей, поступивших в дома ребенка от одиноких матерей, составляет 68,7 % от всех воспитанников, и имеет тенденцию к увеличению. Число воспитанников 13 психо-неврологических домов ребенка в Санкт-Петербурге в 2001 году составило 1 113 детей, в 2002 году – 1 070 детей.

В таблице представлен юридический статус детей, находящихся в домах ребенка в Санкт-Петербурге (данные регионального центра «Семья» [Аналитические материалы, 2002. С. 70]).

Таблица

<i>Юридический статус детей</i>	<i>Год</i>	<i>1999</i>	<i>2000</i>	<i>2001</i>	<i>2002</i>
	<i>% от общего числа детей</i>				
1. Сироты		0,6	1,1	1,6	0,9
2. Отказные дети		42,9	37,3	36,7	38,3
3. Дети, помещенные в дом ребенка временно		48,8	43,1	34,8	30,1
4. Подкидыши		0,9	0,6	0,4	1,0
5. Дети от родителей, лишенных родительских прав		2,0	5,3	10,2	13,0
6. Дети от родителей, признанных судом безвестно отсутствующими		0,1	0,4	0,9	0,3
7. Дети, юридический статус которых не известен		10,0	12,2	15,0	15,9
8. Дети от матерей-одиночек		68,2	61,3	68,7	70,3
9. В том числе дети от юных матерей		0,9	1,1	1,2	1,0

Число детей, оставшихся без попечения родителей, на 1 января 2002 года составило 3 300 человек. Из них 1 422 устроены в государственные учреждения, 1 560 – в семьи. К сожалению, наблюдается уменьшение количества детей, устроенных в семьи.

Количество усыновленных детей в семьях на 1 января 2002 года – 11 891 человек (примерно 1,4 % от всех детей в городе). Численность детей, усыновленных посторонними гражданами, в 2001 году составила 429 человек, из них только 29,4 % дети, усыновленные гражданами России. Иностранцы усыновили 303 ребенка, из них 21 инвалида. Большинство усыновленных детей находилось в возрасте до трех лет.

Численность граждан, состоящих на учете на усыновление детей, в 2001 году составила всего 55 человек, в 2003 году (данные интервью с уполномоченным по правам детей) – 63 человека. Таким образом, соотношение усыновителей и детей составляет один к трем. В связи со сложной экономической ситуацией в стране уменьшается число семей, которые могли и хотели бы взять на попечение ребенка.

В 2001 году в гражданском суде находилось 2 264 исков о лишении родительских прав, вынесено 1 439 положительных решений. В 2001 году 1 542 ребенка были отобраны у родителей, лишенных родительских прав, причем почти у половины из них оба родителя лишены родительских прав.

Основания для лишения родительских прав (ЛРП) прописаны в законе, они сводятся к уклонению от воспитания собственных детей. С каждым годом увеличиваются показатели лишения родительских прав, ограничения в родительских правах.

По данным городского суда, характеристики ответчиков таковы:

- ▶ злоупотребление алкоголем: мать – 7,7 %, отец – 36 %, оба родителя – 57 % (после этого ребенок уже остается без попечения);
- ▶ злоупотребление наркотиками: мать – 13 %, отец – 4 %, оба – 5 %;
- ▶ наличие судимостей: мать – 22 %, отец 43 %, оба – 7 %;
- ▶ учет в наркологических кабинетах: мать – 10 %, отец – 4 %, оба родителя – 1 %.

На проведенных в ходе исследования фокус-группах и в интервью мы стремились понять, какие причины ЛРП доминируют сейчас в нашем обществе. По мнению информантов, чаще всего это выяснение отношений между родителями при разводе; невыполнение обязанностей по воспитанию ребенка. Еще одна группа причин, к сожалению, связана с возможностью получения материальных дотаций одним из родителей ребенка.

Деинституционализация или институционализация?

Таким образом, несомненно, что проблема сиротства детей в Санкт-Петербурге и области стоит весьма остро, и ситуация не имеет тенденции к улучшению. Глобальной проблемой является отсутствие общей стратегии

реализации политики в области охраны детства. Среди других трудностей – централизация системы охраны детства при отсутствии необходимых ресурсов, функциональная разобщенность системы, которая находится в ведении сразу трех министерств – здравоохранения, образования, труда и социального развития¹ – результатом чего становится, по оценке наших информантов, «разобщенность», «несогласованность действий», «отсутствие структуры ответственности»: *«И, вот, у нас, понимаете, получается как дитя без глаза у семи няней: опека и попечительство – у муниципалов, курирование этого вопроса – у комитета по образованию. Комитет по труду и социальной защите населения занимается детскими приютами и в том числе усыновлением, ну, это не смешно?»* (представитель Законодательного собрания, СПб).

В этих условиях властным структурам трудно найти другие пути, кроме помещения детей в интернаты, дома ребенка и детские дома, хотя это довольно дорого: содержание каждого ребенка в доме ребенка в Санкт-Петербурге обходится государству от 25 до 36 тыс. рублей в год (данные на начало 2003 года).

Если кратко перечислить причины, по которым дети остаются в младенческом возрасте без опеки родителей, то можно выделить следующие: отказ от новорожденных детей в родильном доме по той или иной причине; лишение родительских прав; болезнь или тюремное заключение родителей; смерть родителей; отказ от детей в более старшем возрасте; подбрасывание детей в дома ребенка и прочие учреждения.

Список этих причин, по мнению экспертов, дополняют и социальные аспекты: плохое воспитание, идущее из семьи; люмпенизация населения; этнические проблемы; пьянство, алкоголизм, наркомания; сложные отношения в семье. Таким образом, по мнению участников нашего исследования, экономические причины, падение нравственности, снижение ценности семьи в обществе – вот основные беды, ведущие к сиротству.

На фокус-группах мы выясняли, какие чувства вызывают родители, оставившие своих детей на попечение государству. Спектр чувств был самым разным: от негативных – злости, негодования – до сочувствия и жалости: *«Иногда придуть хочется собственными руками»* (фокус-группа № 4)²; *«Жалость – это самое главное. Какие-то причины их привели на этот путь. Неустроенность жизни. Я не могу сказать, что она такая плохая. ...Мы их жалеем. Думаем: «Бедная, до чего ты дошла». Они сами наказаны. Они остались без детей, им негде жить, у них нет специальности»* (фокус-группа № 4).

¹ В настоящее время практически все из вовлеченных в решение рассматриваемых проблем министерства охвачены процессом трансформации и реорганизации. Исследование проводилось в тот период, когда о слиянии этих министерств не говорилось. Пока трудно что-то сказать о том, как их слияние повлияет на сложившуюся ситуацию, остается лишь высказать осторожную надежду на ее улучшение и дальнейшее развитие. – *Прим. ред.*

² Фокус-группы в соответствии с методикой исследования проводились на анонимной основе, участникам при их расшифровке присваивались номера.

Негодование, отрицательные эмоции все-таки прикрываются дихотомическим выбором: «*В каждой ситуации, конечно, индивидуально. К кому – жалость, а к кому – негодование*» (фокус-группа № 4).

Есть и профессиональные основания испытывать неприязнь к матерям, которые сразу отказываются от ребенка: «*Очень осуждаю мать, которая скрывает это в родильном зале, потому что потом, чтобы ребенку провести обследование, надо взять кровь. Но у меня всегда так... ну злость... Я могла в родильном зале из пуповины в пять пробирок набрать эту кровь. Я говорю, вы даже не всегда представляете, что это такое, когда придут к ребенку и из вены возьмут вот в эти пять пробирок*» (врач-педиатр, СПб).

Однако в большинстве западных стран уже давно отказались от практики создания больших домов ребенка. Там широко развиты альтернативные институциональному уходу формы размещения детей, оставшихся без родителей по той или иной причине. Считается, что так называемые фостерные (приемные, патронатные) семьи, которые разрешены в 124 странах мира, являются наиболее предпочтительным вариантом. В Великобритании 65 % всех детей, нуждающихся в опеке, воспитываются в приемных семьях, в Нидерландах – 40 %. Однако по ряду публикаций в специальной литературе участники исследования знают, что проблема воспитания детей в фостерных семьях не решена полностью и на Западе, несмотря на то, что детей, нуждающихся в подобной помощи, там значительно меньше. Развитая сеть фостерных семей уже несколько лет испытывает кризис. В США, где около 80 % сирот и социальных сирот живут в патронатных семьях, регулярно проводятся крупные исследования [Adoption... 1999, ...2003], и оценка эффективности работы фостерной семьи постоянно колеблется: то они признаются единственно возможным вариантом, то – барьером на пути возвращения ребенка обратно в семью. Требования к таким семьям все время повышаются: качество и количество профессиональных знаний, необходимых для такой деятельности, растут постоянно; увеличивается ответственность семей и требования к прозрачности их действий.

Деинституционализация, то есть перевод детей из государственных учреждений в альтернативные формы семей, включает в себя целый ряд действий. В нашем исследовании речь шла о возможностях: предотвращения отказов и помещения детей в учреждения (моральная и материальная поддержка и подготовка молодых родителей, кампании по борьбе со злоупотреблением алкоголя, наркотиков, создание благоприятного общественного мнения по поводу альтернативных форм содержания детей); реинтеграции кровной семьи (создание служб по воссоединению и реабилитации семьи, помощь молодым матерям в сложной жизненной ситуации).

Правовой основой для деинституционализации стало Положение о приемной семье, утвержденное постановлением Правительства РФ № 829 от 17 июля 1996 года. Приемная семья в качестве возможного пути деинституционации детей-сирот является результатом эволюции детских домов семейного

типа, появившихся впервые в 1988 году. Оба этих названия компромиссны: детский дом семейного типа – уже не совсем детский дом, а приемная семья – еще не своя семья, тем не менее, эти названия отражают произошедшие существенные изменения России последнего десятилетия в жизни детей.

В данной статье мы не будем касаться проблем, связанных с усыновлением детей и оформлением опекуна. Несомненно, эти формы являются наилучшими с точки зрения дальнейшей судьбы ребенка, хотя и наиболее трудоемкими в смысле сбора необходимых документов. Единственное, что следует сказать в этой связи, что родители, усыновившие ребенка, лишаются всяких доплат и дотаций со стороны государства и остаются один на один со своими проблемами.

Стигматизация детей, воспитывающихся в институциональных учреждениях

Мы считаем, что дети не должны содержаться в государственных учреждениях, в частности в домах ребенка. У каждого ребенка должны быть родители, семья, в противном случае они не смогут нормально социализироваться, впоследствии им будет трудно строить семейные отношения. Дети, выросшие в сиротских учреждениях, не знают элементарных бытовых вещей (как заварить чай, как сделать покупку), они не умеют принимать решений, у них нет практики отказов, у них нет собственности, они никогда не остаются одни. Об этом много написано и сказано. Нарушение естественных контактов, происходящее в случае раннего помещения ребенка в такое учреждение, препятствует развитию его способности в будущем вступать в контакт, ведет к задержке эмоционального, социального и физического развития. Их поведение характеризуется «повышенной активностью, беспорядочными требованиями любви и внимания, поверхностностью отношений, отсутствием нормального беспокойства как реакции на неудачу или критику и социальной дезадаптацией» [Спасение... 2002].

Участники нашего исследования, которые работают с детьми в домах ребенка, прилагают все силы, чтобы воспитанники чувствовали себя комфортно и хорошо, низкий им поклон. Спонсоры помогают оборудовать комнаты для отдыха, для занятий лечебной физкультурой, бассейны. Но, по признанию самих воспитателей, дети всегда ждут родителей, маму, это главная проблема в их жизни. Воспитательниц называют мамами или «другими мамами»: «Они спрашивают: “Где моя мама, где папа?” Они всегда ждут маму» (фокус-группа № 4); «Проблема в огромном желании иметь семью. Каждый ребенок мечтает, вслух спрашивает главного врача: “Люда, найди мне маму, пожалуйста. Вот ты Наташе нашла маму, а мне нет”» (фокус-группа № 2).

За последнее десятилетие в литературе по социальной психологии была проделана довольно большая работа по описанию стигмы – ситуации, когда

индивид считается неспособным к полноценной социальной жизни. Наиболее заметные работы по данной тематике среди социологов принадлежат таким авторам, как Э. Лемерт, среди психологов – таким, как К. Левин, Ф. Хадер, Т. Дембо, Р. Баркер, Б. Райт [см.: Wright, 1960].

Термин «стигма» будет использоваться нами для обозначения качества, выдающего какое-то постыдное свойство индивида (an attribute deeply discrediting); причем характер этого качества определяется не самим качеством, а отношениями по поводу него. Качество, стигматизирующее один тип владельца, может лишь подтвердить обычность другого, и в этом смысле само по себе качество не является ни лестным, ни постыдным (neither creditable, nor discreditable) [Goffman, 1963].

И. Гофман [Goffman, 1963] выделяет три существенно различающихся типа стигмы. Во-первых, есть телесное уродство – разного рода физические отклонения. Во-вторых, есть недостатки индивидуального характера – например, слабая воля, неконтролируемые или неестественные страсти, бесчестность и т. д. Наконец, есть родовая стигма расы, национальности и религии, которая может передаваться по наследству и охватывать всех членов семьи. Дети, воспитывающиеся в институциональных учреждениях, обладают первым или вторым типом стигмы. Мы не будем здесь говорить о детях с физическими отклонениями, остановимся на самоощущении детей и отношении окружающих к детям со вторым типом стигмы.

Мы утверждаем, что дети-сироты в нашем обществе стигматизированы, исходя из следующих трех аргументов: дети-сироты очень рано осознают, что с ними что-то не так, что рядом с ними нет родителей; дети-сироты отстают в развитии в раннем возрасте по разным причинам; дети-сироты получают обрательную связь от взрослых, которая часто переносит их в категорию «другие».

Первый аргумент, касающийся ожиданий ребенка, – скорее многолетнее наблюдение наших экспертов, принимавших участие в исследовании, – мы уже приводили выше. Нет оснований не доверять людям, круглые сутки находящимся рядом с детьми в доме ребенка: *«Проблемы у детей на уровне подсознания: у меня чего-то не так, как у других детей. Этим они могут отличаться, поисками родного человека»* (глава территориального управления, СПб).

Мнения информантов по поводу того, отстают ли дети в своем развитии в доме ребенка и каковы причины этого, разделились. Врачи говорят – да, отстают, уже к месяцу заметны явления госпитализма, а к году любой опытный врач отличит домашнего ребенка и воспитанника дома ребенка. Нехватка общения, особенно в первый год жизни, дает свои плоды: *«Если нет оснований чисто физических, то есть состояние здоровья – чтобы он отставал от физического развития, то, конечно, нехватка постоянного домашнего общения, она сказывается»* (зав. отделом здравоохранения, СПб).

Работники домов ребенка, сотрудники территориальных управлений и муниципальных образований говорят – нет, не отстают, зачастую развиваются лучше, чем дома: *«Если дело не связано с органическим поражением, я с*

этим не согласна. Эти дети прекрасно развиваются. Им там уделяют внимания в какой-то мере даже больше, чем мама, наспех там, почитала книжку 20 минут, работает потому что, занята» (фокус-группа № 4).

Основными причинами отставания в развитии являются, по мнению информантов, неблагоприятная наследственность, а также отсутствие материнской теплоты и ласки. Еще одна причина – сама жизнь в доме ребенка: *«Ну, дело в том, что у человека... должна быть привязка изначально. <...> Мы стараемся делать все. Они у нас хорошо одеты, они накормлены. Но у детей отсутствует привязка к какому-то взрослому, частной собственности, которой он должен владеть. Иной раз даже самую плохую семью не может заменить дом ребенка»* (фокус-группа № 4).

Как стигматизированный ребенок реагирует на жизненную ситуацию? В некоторых случаях он может попытаться напрямую исправить то, что ему кажется объективным основанием своего порока. Как нам кажется, именно поэтому старшие дети сбегают из государственных учреждений, возвращаются к своим асоциальным родителям (матери). Стигматизированный ребенок может попытаться исправить свой недостаток, изо всех сил стремясь овладеть тем, что есть у других людей. Мы уже говорили о том, что дети постоянно ждут, что за ними придут родители и заберут домой. Наконец, ребенок может порвать с тем, что называется реальностью, и упорно пытаться использовать нетрадиционную интерпретацию особенностей своей социальной идентичности. Тогда дети начинают бродяжничать. В Луге работники приюта рассказывали о том, что есть дети, которые просто не могут жить в обычной среде, оседло. Они обязательно должны куда-то ехать, идти, пренебрегая теплой и сытой жизнью приюта или детского дома.

Стигматизированный человек склонен использовать свою стигму для получения «вторичных выгод» [Goffman, 1963]. Дети, выросшие в государственных учреждениях, зачастую считают, что им все должны, у них вырабатывается потребительское отношение к окружающим, к государству, к близким.

Осознание ущербности означает, что человек не способен вытеснить из своего сознания непреходящее чувство совершенной незащищенности. Ребенок испытывает беспокойство, подозрительность, тревогу. У него возникает чувство, что он не знает, что же другие «на самом деле» думают о нем. В свою очередь, настрой окружающих, нехватка «поглаживания», подбадривания может превратить стигматизированного ребенка в человека мнительного, враждебно настроенного, беспокойного и растерянного. Переходя из учреждения в учреждение, а потом в мир, стигматизированный ребенок часто внутренне съеживается и занимает оборонительную позицию.

Серьезной проблемой для каждого стигматизированного ребенка является проблема интеграции в общество. Люди, имеющие дело с таким человеком, не выказывают уважения, заранее приписывают ему или ей ряд несовершенств. Как указывает И. Гофман, восприятие человека со стигмой обществом, а также соответствующие действия по отношению к нему определя-

ются готовой системой предрассудков и стереотипов. Возникающие в результате дискриминационные практики, как правило, существенным образом влияют на ограничения жизненных шансов индивида [Goffman, 1963].

В своей книге И. Гоффман разделяет социальное окружение на дружелюбно настроенных и понимающих. К первой категории дружелюбно настроенных относятся, конечно же, люди с такой же стигмой. Взрослые люди, на собственном опыте зная, что значит иметь такую стигму, могут выслушать его жалобы, помочь советом. В результате человек обретет моральную поддержку, ему станет легче, он почувствует, что принят другими людьми. Но для малышей до пяти лет такой стиль общения недоступен. Поддержку они могут получать только от старших – персонала дома ребенка.

Вторая группа – так называемые «понимающие» – люди, которые сами являются нормальными, но их профессиональная ситуация посвятила их в скрытую от посторонних жизнь стигматизированного ребенка. Но наше исследование не было посвящено изучению индивидуально-психологических качеств и установок персонала домов ребенка, поэтому здесь мы можем остановиться лишь на двух моментах, поразивших нас.

Первый момент – это отношение персонала к своим воспитанникам. Нас поразило бережное отношение к детям персонала домов ребенка, в которых мы брали интервью, – от нянечек до администрации. Особенно это проявилось в доме ребенка № 10 (для ВИЧ-инфицированных детей). Сотрудники берут детей на руки, качают, разговаривают с малышами, с теми, кто постарше, ходят за ручку. Есть совсем слабенькие и бледные дети, есть на вид здоровые и подвижные, но при виде каждого из них шемит сердце от обреченности. Однако нам рассказывали, что в других местах возможно иное отношение: *«Где-то с ВИЧ-инфицированными детьми работают хорошо, спокойно. А где-то держат этих детей в изоляторе. И что-то там под низ им тарелочку дают, чтобы поели»* (фокус-группа № 2).

Персонал дома ребенка № 10 также подвергается дискриминации. Когда его открывали, устраивались демонстрации, чтобы «рассадник заразы» не открывался в центре города. А его сотрудники, если дают интервью по телевидению, просят не показывать их лиц, чтобы *«соседи не знали, что работаю в доме ребенка для ВИЧ-инфицированных. Иначе будут проблемы»* (фокус-группа № 4).

Человек, который стремится понять другого, сначала должен пережить нечто, задевающее его душу и сердце. Персонал привязывается к детям, появляются свои любимчики. Но тонкие и доверительные отношения быстро разрушаются, если появляется биологическая мама, пусть даже проходящая. Вот такую трогательную и грустную историю нам рассказала старшая воспитательница одного из домов ребенка: *«Я каждый день контактирую с этим ребенком. Свободное время от работы я тоже посвящаю ему. Мы с ним и в цирк ходим, и гуляем, и в парках, и в ботанический сад, и в театр мы с ним ходим. То есть, я в него столько вкладываю, я так его люблю, ну вот так*

чисто по-человечески. Материнские чувства, я не знаю, сомневаюсь как-то об этом сказать, есть ли у меня материнские. <...> И приходила мама... Она очень симпатичная. Ну, вот так получилось по жизни, с кем-то связалась, в наркоманию ушла, и все. А так у нее вот эта статья осталась, хорошо одета, все. И он ее ждет. Первое время как-то он к ней долго привыкал, смотрел, "ой, тетя". Она выше ростом меня, то есть она такая, совсем другая. Но когда я на следующий день пришла на занятия, мы спускаемся по лестнице, он говорит: "А ко мне вчера мама приходила". Ну, тогда я ничего не стала, но у меня где-то там екнуло. У меня какая-то ревность возникла, потому что я каждый день его вижу и как бы... И вот он говорит: "Ко мне мама приходила". С таким восторгом. Я просто подумала, что вот ты каждый день и общаешься с этим ребенком, и проникаешься, и ждешь, когда он тебе скажет "я тебя люблю". <...> Но вот то, что мама пришла, это ежедневные мои визиты просто затмило» (фокус-группа № 2).

Мы заметили, что понимающие имеют разные стереотипы поведения для разных ситуаций. Есть профессиональные знания, должностные обязанности, которые делают их с виду жесткими, прагматичными, даже циничными (так можно сказать о специалистах домов ребенка и родильных домов). А есть огромная боль за этих детей, которая каждую минуту ранит их душу и заставляет делать все, чтобы облегчить судьбу детей. Не все могут это вынести. Нам говорили, что в доме ребенка, в родильном доме персонал в основе своей довольно стабильный, люди потом просто не могут и не хотят работать в другом месте. Физическими, душевными и сердечными усилиями этих людей частично смягчается стигматизация, дети ощущают заботу и ласку.

Но даже понимающие не могут дать детям, которые воспитываются в доме ребенка, полного принятия и понимания. В дальнейшем все эти факторы могут привести к повторению пройденного пути, и это самое грустное: *«Я хочу обратить внимание, что, как правило, такие дети бывают у родителей, которые прошли тот же путь. Такое впечатление создается, что они просто не умеют жить иначе»* (главврач дома ребенка, СПб).

Отношение к формам и видам воспитания детей, альтернативным государственным

Одной из целей исследования было отношение специалистов к альтернативным формам содержания детей до трех лет, оставшихся без попечения родителей. Все специалисты, участвовавшие в нашем исследовании, знали о существовании таких форм, однако чаще всего эти знания были получены из СМИ, статей в специальных журналах и выступлений коллег на различных мероприятиях. Все эти формы мало развиты в Петербурге и Луге. В Санкт-Петербурге существует один семейный детский дом (было три), 11 семейных воспитательных групп. В Луге существуют семейные группы.

К семейным детским домам отношение специалистов, участвовавших в исследовании, неоднозначное. Например, сотрудники домов ребенка чаще всего высказывались против такой формы устройства ребенка. Они аргументировали это тем, что в условиях большой семьи невозможно обеспечить ребенку индивидуальный подход, и если приемные родители вынуждены искать деньги на проживание, дети все равно остаются предоставленными сами себе: *«Сейчас создаются семейные детские дома. Ну, когда по 15, по 20 человек будет там при самом хорошем папе, который уже тоже худенький, хиленький и мама такая. Ну, в сельской местности, в основном. Что там, скотину вырастим, кабанчика забьем, всех накормим. Все равно не то. Все равно нужно индивидуально к ребенку подойти. Двенадцать человек усыновленных – извините меня. Да, ты гордая, но от этого толку не будет. Это уже тот же самый... детский дом. В детском доме кто-то приготовил, кто-то постирал. Мама свободна, с детьми занимается. А дома мама все должна сделать»* (фокус-группа № 2).

Сторонники создания семейных детских домов объясняли их малочисленность сложностью организационных и правовых вопросов их открытия, неудачным практическим опытом. Но основная трудность – это недостаточная материальная поддержка семейного детского дома со стороны государства. Эта проблема особенно обострилась в период реформ, когда все прежние структуры и фонды перестали существовать, а новые не взяли на себя заботу о семейных детских домах. Реформа ветвей власти в городе привела к разделу бюджетных средств и уменьшению поступлений средств в муниципалитеты, которым переданы функции опеки и попечительства.

В семейных воспитательных группах в Петербурге в 2001 году воспитывалось 38 детей (данные регионального центра «Семья»). Информации о подобной форме содержания детей явно недостаточно. Практика создания приемных семей находится в Санкт-Петербурге сейчас в стадии становления. В 2002 году в муниципальных образованиях был заключен договор о создании лишь 11 приемных семей. В июне 2001 года в Санкт-Петербурге вступил в действие закон о размере оплаты труда приемных родителей: *«Но, дело все в том, что там есть пункт 32, по которому форма оплаты труда приемных родителей решается в каждом регионе по-своему. То есть это семьи, которые заключают договор с муниципальными округами. И эта семья получает определенную дотацию на ребенка и плату за свой труд. Но это у нас не распространенная форма. <...> Этот закон работает очень слабо в нашем городе. Но там есть такая беда. Может быть, это не беда. Может быть, это хорошо. Но, к сожалению, для Санкт-Петербурга это беда. Финансирование приемной семьи ведет муниципальное образование. По договору. Из бюджета. Дело в том, что деньги-то надо закладывать. А многие муниципальные образования у нас, к сожалению, дотационные. Это минус большой. И в этом же законе, там еще есть такая оговорка, что по нормам этого закона эта семья может в дальнейшем преобразо-*

ваться в малокомплектный детский дом, где муниципальный совет обязан взять на себя функции предоставления жилья...» (фокус-группа № 4).

Немного иная ситуация с семейными группами в Луге. Там дети из неблагополучных семей по информации, полученной от социальных и медицинских работников, попадают в приют при центре «Семья» в Луге. При этом родители, как правило, не лишены родительских прав или находятся в процессе лишения. Центр «Семья» организовала кампанию в местной прессе по подбору семей, желающих взять на временное воспитание и содержание детей из приюта. При этом женщинам засчитывается стаж работы и выплачивается небольшое пособие в размере 600–700 рублей. Кроме того, на питание ребенка выдается от 600 до 900 рублей в месяц и, при возможности, средства гигиены, одежда и обувь, полученные из благотворительных источников.

В 2003 году существовало 13 семейных групп. Семьи отбираются весьма тщательно, контроль над ними облегчает тот факт, что все они находятся в деревнях, где жизнь такой семьи происходит у всех на виду. Как правило, в семью берут одного или двух детей. Летом количество групп увеличивается, так как детей берут на летний «оздоровительный» период. Как правило, после этого осенью несколько детей обязательно остается в семьях на дальнейшее проживание.

Основной трудностью при создании альтернативных форм содержания детей является отсутствие необходимой законодательной базы. Имеющаяся документация разработана только для приемных семей, в которые передаются дети после лишения их родителей прав. Кроме того, например, в Луге семейные группы находятся в ведении отдела социальной защиты населения, и первоначально при их создании были конфликты с местными органами управления образованием, так как по закону приемные семьи должны находиться в подчинении РОНО. До сих пор семейные группы существуют без должного правового обеспечения, но так как практика их работы в ходе многочисленных проверок признана успешной, их продолжают создавать и поддерживать: *«Ну, пока государство нас не сильно трогает, вот тут и прокурорская проверка была. Не сильно так нас уж за эти семейные группы... Значит, в течение месяца после лишения родителей родительских прав, то есть он остался социальным сиротой, мы должны его определить в течение месяца на определенное местожительство. В детский дом. Или на усыновление. Но чаще всего в детский дом. Кому они сразу нужны? А ведь у нас есть дети-сироты, которые живут в семейных группах. Но мы их продолжаем держать в семейных группах, и доказывать всем, что все равно там им лучше, чем в детском доме. Тем более, знаем про эту семью. Так что тут палка о двух концах... Но пока нас сильно не трогают»* (директор центра «Семья», Луга).

На необходимость создания правовой базы этой альтернативной формы содержания детей указывали не только сотрудники центра «Семья», но

и сами работники прокуратуры, призванные осуществлять контроль и проверку: *«Ну, вот, мы по поводу семейных организаций, семейная группа. Практически у нас нет законодательства, которое регулирует эти вопросы. Как организовывается, какие документы необходимы для того, чтобы существовала такая группа. Поэтому, мне кажется, что в первую очередь необходимо, конечно, этот вопрос более отрегулировать именно на законодательном уровне. И не на местном, а на более высоком, на федеральном уровне чтобы это было, конечно, урегулировано. Потому что бывают, конечно, такие ситуации, что мы приходим, начинаем проверять центр “Семья”, а даже фактически как бы и самим-то нам нечем руководствоваться, мы не знаем, какие документы должны быть»* (помощник прокурора, Луга).

Другой причиной того, почему такие формы, как приемные семьи, недостаточно развиты, как мы уже говорили, является недостаточность информации о существовании этих альтернативных форм и отсутствие разъяснительной работы с населением. Об этом говорили в интервью в Законодательном собрании Санкт-Петербурга, в прокуратуре, центре «Семья»: *«Ну, проведите цикл лекций на том же пятом канале, расскажите, что есть возможность такая. Обсчитайте по цифрам, назовите заработную плату. У нас же достаточно много людей среднего возраста, которые сейчас выпали, инженеры те же, которые, в общем-то, достаточно образованные и интеллигентные люди, но каким-то образом не смогли, так сказать, найти в себя этой жизни. Молодому поколению проще сейчас трудоустроиться, а вот тем, кому к 50, достаточно сложно. Да это еще люди, которые работоспособны, и они, фактически, не заняты»* (прокурор, СПб).

О необходимости проведения информационной кампании свидетельствует и тот факт, что в деревнях Лужского района, где уже возникли семейные группы, их опыт подхватывают, и их становится больше год от года, а там, где перед глазами жителей нет ни одного примера, их создание проблематично: *«Вы знаете, первые группы открыть сложно, очень сложно, потому что нет наглядного, вот не знают люди, что это такое. У нас даже семейные группы, они как бы такими ячейками открываются. Например, в какой-то волости нашей открылись, и вот там уже целая группочка семейных групп. Потому что они друг с другом общаются, они видят. <...> У нас есть районы, где они не открываются. Вот ни одной нет, и не уговорить людей, не толкнуть на это, потому что они не видят»* (директор центра «Семья», Луга).

Однако у идеи создания семейных групп или приемных семей существуют как сторонники, так и противники. Многие специалисты говорили о том, что имеется и реальная опасность того, что подобными предложениями – взять на воспитание детей за соответствующее вознаграждение – могут воспользоваться и не очень порядочные люди, стремящиеся, прежде всего, к извлечению собственной выгоды из ситуации. Возникнут и другие трудно-

сти – отбора семей и жесткого контроля за воспитанием и содержанием детей: *«Если бы платили большие деньги, нужно было бы сильно отбирать. Да, и тогда появилась бы очень большая отмена усыновления. Ну, тогда надо было бы больше контролировать. Но тут тоже, видите, двоякая ситуация. Кто-то стал бы детей брать для того, чтобы чисто поправить свое материальное положение. Основная масса таких была бы. Тут были бы очереди, были бы другие перекосы. Смотреть надо было бы, кто усыновляет, как там»* (прокурор, Луга).

Противники создания семейных групп (как правило, у нас это были сотрудники домов ребенка) мотивируют свое неприятие также тем, что семейные группы или приемные родители – явление для ребенка временное и при смене родителей ребенок испытывает непоправимый для него стресс: *«А, семейные группы! Вы это имеете в виду. Ну, может быть, здорово, но я еще раз как бы вот повторяю, что у одного ребенка должны все-таки быть одна мама и папа. Пусть они будут усыновители, но они будут одни. Понимаете, они в одном стиле его будут вести! То есть, все вот эти временные, патронатные, приемные... Просто представьте себя: вот Вы – ребенок. Вам четыре года. Вы воспитываетесь в одной семье. Вам внушают что-то одно, выдают информацию одну, в одном направлении. Вы приходите в другую семью, вам уже пять лет, и вам вдруг ваш мир переворачивают, и говорят совершенно другое. Ведь там же не прослеживается, извините, в семье, что там досконально идет. Правильно? А через год он попадет в другую семью, там вообще, третий вариант какой-то. Там еще что-нибудь, религия. А в четвертую он пришел, религию перечеркнули, сказали, что это все ерунда. Ну что дальше? Что из него вырастет, скажите мне?! Аморальное существо! У него ни морали, ни точки зрения, ничего не будет»* (главврач дома ребенка, Луга).

Еще одна нерешенная проблема – это будущее детей, находящихся в семейных группах. Семьи могут в дальнейшем либо взять опеку над приемными детьми, либо усыновить их. Однако, как было уже сказано выше, при усыновлении родители теряют всякую материальную поддержку.

Хотелось бы привести еще одно высказывание, касающееся альтернативных форм размещения детей. В интервью с социальным работником Лужского дома ребенка зашел разговор о том, согласилась бы она сама создать что-то вроде семейного детского дома. К удивлению интервьюера, она сказала, что в этом случае боялась бы не ответственности, не проблем, связанных с воспитанием, а поведения нашего государства, отсутствия стабильности в проводимой им политике: *«По своему характеру я согласна. Мне кажется, я бы смогла. Но я в коей мере побаиваюсь. Да, это ответственность большая. И побаиваюсь того, что, мне кажется где-то, на каком-то вот таком этапе, когда, допустим, дети будут у меня второй-третий год, что-то где-то оборвется. И государство как-то... Передумает. Вот что страшно! Нет той стабильности и уверенности, чтобы я могла по-*

верить – да. А сама – просто мне на сегодняшний день даже не 35, и не 45. Мало ли что со мной, и вот эти четверо-пятеро детей <...> – их возвращать... Я видела просто, когда возвращали двоих детей...» (социальный работник дома ребенка, Луга).

Отношение к различным видам поддержки семей

Второй проблемой, поднятой в исследовании, было зондирование мнения специалистов по поводу альтернативной службы помощи семье, попавшей в кризисную ситуацию. В ходе интервью всем информантам был задан вопрос о существовании или о возможности создания альтернативных служб помощи семьям в кризисной ситуации. Как правило, информанты вначале плохо понимали, о чем их спрашивают, так как такого опыта в городе и районе пока нет. Более-менее адекватные ответы удавалось получить только после описания, что могут делать такие службы – «помогать матерям в кризисной ситуации», «помогать в решении проблем», «постоянно патронировать такие семьи». При этом подразумевалось, что подобная служба сможет способствовать изменению ситуации с брошенными и оставленными на попечение государства детьми за счет того, что семья или мать вовремя получают необходимую помощь и продолжают растить ребенка.

Следует отметить, что мнения участников исследования относительно альтернативных форм поддержки семьи разделились. Муниципальные работники, чиновники комитетов резко отрицательно отнеслись к этой идее. Они полагали, что все нужные структуры уже созданы: в себе есть отделы социального обеспечения, в каждом районе есть муниципальные службы со специалистами по опеке и попечительству. Появление любых новых служб они считают дублированием имеющихся. Однако в отчете регионального центра «Семья» говорится, что в Санкт-Петербурге не сложилась оптимальная сеть государственных социальных служб, которая обеспечивала бы своевременное и квалифицированное оказание помощи всем нуждающимся семьям с детьми.

Почти все участники исследования считают, что привлекать к данной проблеме третий сектор, конечно, необходимо, хотя доверяют больше организациям с государственным статусом. Важно, чтобы подобные службы не пересекались в функциях с государством, работали над такими вопросами, как поднятие престижа семьи, оказание психологической и практической помощи малолетним беременным женщинам: *«Я опять возвращусь к тому, скажите, где у нас в городе открыта какая-нибудь организация, допустим, приемная, "горячая линия" или что, куда может женщина, девушка, которая забеременела и оказалась в сложной жизненной ситуации, обратиться? Я такого не знаю. Поэтому мне кажется, если общественная организация откроет двери для того, чтобы я пришел туда, со своей болью человек,*

и они бы вышли потом на какие-нибудь государственные структуры, органы оказания помощи или еще что-то. Я считаю, что никто не смог бы отказать, а если бы отказали, то работали так, чтобы не отказывались. Почему нельзя связаться с семьей, почему она не может поговорить с партнером? Это такие же люди, как мы с вами. Одно дело, когда чиновник пишет письма, другое дело, когда он поговорит как нормальные, человеческие люди. Поэтому я считаю, что необходима общественная организация» (зав. отделом здравоохранения, СПб).

У некоторых специалистов есть даже конкретное видение того, чем должны заниматься такие службы, хотя они понимают некоторую утопичность своих предложений: *«Ну, вот видите, эти службы, если бы создавать, ну, она должна быть именно такой: вот какая-то женщина, если оступилась, сразу к ней с этой службы должны прийти и сказать: “Вот, ну что у тебя случилось? Ну, расскажи, давай, мы порешаем твою проблему. Ну что тебе? С работой? Давай поможем с работой. Ну, что-то еще. Ну, на первое время можем тебе материальную оказать помощь”. С этим же никто не придет сейчас, правда? Но такая служба должна быть. Я думаю, должна быть» (главврач больницы, Луга).*

Многие сотрудники домов ребенка, роддомов знают о зарубежном опыте работы подобных социальных служб поддержки матерей в Швеции, Финляндии: *«Ведь не у всех матерей возникает чувство материнства. У кого-то оно сразу, да, а кто-то отказывается легко, он не имеет этих чувств. Поэтому с ней надо работать, ей нужна помощь. Надо, чтобы она знала, что она не пропадет. Ей надо этого ребенка как-то отдавать ненадолго, где-то приучать ее, покормить, погулять. Чтобы она как-то немного это осознала, как это делается, в общем, в той же самой Швеции, например. Там ведь тоже бросают детей. У них нет домов ребенка, у них нет брошенных детей как таковых... Они все расходятся по семьям. Мама отказалась, ее тут же к психологу, ее тут же. Даже если она наркоманка, ей помогут полечиться, ей сделают все буквально, абсолютно. Приди сегодня, просто поддержи в руках, пять минут. Все, спасибо, подержала, иди дальше. Захотела – пришла» (фокус-группа № 2).*

Однако целый ряд специалистов считают социальные негосударственные службы пустой тратой времени, средств и сил, потому что, по их мнению, асоциальным матерям (алкоголичкам, наркоманкам и т. д.) помочь невозможно, их слишком много и проблема слишком глубока: *«На всех мам психологов не хватит! Не хватит! Да их море, их море!! Просто даже не представляете, их море!» (главврач дома ребенка, Луга).*

В подтверждение этой точки зрения было приведено несколько примеров попыток оказания помощи таким «мамочкам», к сожалению, не увенчавшихся успехом: *«Вы думаете, мам мы этих не лечили? Мы даже деньги находили. Это ладно, деньги находили – договаривались с наркологом, чтобы бесплатно это сделали, уговаривали, что такая ситуация, семья – ну, та-*

ких немного. И вот именно наш центр, потому что у нас с наркологами непосредственно связь имеется. Если даже мы не находим деньги, вот совсем не найти, вот закодировать человека платно, то вот есть случаи, нам уже сам нарколог шел на помощь и бесплатно это делал. Хорошо, если это шло на пользу. Но не всегда. Но бывает» (зав. отделом социальной защиты населения, Луга).

Был приведен пример западной службы, когда такая помощь молодой матери доводится до абсурда: «Я с таким сталкивалась в Финляндии, и мне рассказали там такую вот историю с гордостью. Молодая женщина родила ребенка, от него попыталась отказаться, но ей, значит, помогли, и вот к ней каждый день ходит социальный работник, который стирает, убирает, ходит в магазин, и дает еще этой девочке на карманные расходы, но эта девочка при этом сохраняет семью – она при ребенке. <...> Потом еще выясняется, что эта девочка – наркоманка, и они отправляют ее лечиться, через полгода чтобы она пришла, чтобы все-таки семья не разрушалась. Я сидела, схватившись за голову, и говорю, а у девочки-то кто родители? А у нее родители, мать – алкоголичка! <...> я говорю: так посмотрите, что получается, вы сначала заботились об алкоголичке, чтобы она вырастила наркоманку, сейчас вы заботитесь о наркоманке, чтобы она вырастила кого!? Это, вообще говорю, это семья? Надо брать, говорю, этого ребенка у этой девочки и отдавать нормальным людям. Вот, понимаете, то есть идея, вообще, правильная, когда человеку надо в чем-то помочь для того, чтобы не разрушилась семья, но когда это превращается вот в такую пародию – вы меня простите... То есть, есть вещи, с которыми я не согласна, там уже перебор в другую сторону. Когда будет золотая середина, да? Не брать все на себя, чтобы ты сидел с ребенком и изображал, что это семья, а помогать тебе в чем-то психологически, консультациями, пособиями какими-то, но семью ты должен держать сам, иначе это не семья» (представитель Законодательного собрания, СПб).

Интересное мнение было высказано в интервью с главным врачом детской больницы Луги. В целом согласившись с тем, что альтернативная служба могла бы помочь некоторым мамам встать на ноги, он вместе с тем уточнил, что это, скорее всего, касается мам-одинок. Главная же проблема состоит в том, что в последнее время чаще всего асоциальная (кризисная) семья – это не только одна мама, но и ее пьющий и неработающий муж, такие же пьющие родители с обеих сторон, такие же друзья и соседи. И проблема из единичной перерастает в массовую, корни которой настолько глубоки, что никаким альтернативным службам ее не решить: «Ой, да надо бы, конечно, такую службу помощи иметь. Надо иметь. Если бы только одна мама в этой семье была! Но ведь там же есть еще и муж, там еще есть и теща такая же, и эта мать этой женщины тоже такие пьющие. Там много получается... Вот этот круг сложно будет как-то вот его... Если да, одна женщина с ребенком осталась, она

одна – вот ей бы если помочь, я думаю, наверное, можно было бы, наверное. А вот когда там такой клан, да еще и соседи такие же, которые вот не дадут, они не дадут вырваться оттуда! <...> Оно, может быть и стихийно получается, но вот именно получается, что вот такие кучки создаются. <...> Может лет 11 (назад) приехала мама с маленькими детьми из родильного дома. Они больные были. Просто мы их полечили, они ушли домой, и как-то потом где-то через год поступает один ребенок. Я говорю, а мама-то что? А мама пьет. Ну, ладно, полечили – отдали. И где-то лет, может быть, через пять – через шесть эта мама поступает с детьми. Я ее просто не узнал – это из женщины молодой, красивой – это такая старуха передо мной сидела!! Я говорю: “Что ты делаешь с собой-то! Ты посмотри, какая ты красавица была!” Она так глаза потупила и говорит: “Если бы я могла из этого очага выйти!” Вот так она сказала. Вот, а очаг, я именно знаю, что этот очаг. Который организуется вокруг. Они же вот, понимаете, все в себе вот дают. Почему вот церковь привлекает? Пришел туда, успокоили человека, и он ушел. Государство никуда не приглашает, правда? Даже работу не дает» (главврач детской больницы, Луга).

Выводы

Таким образом, мы видим, что проблема сиротства – как реального, так и социального – в нашем обществе актуализируется. Беззащитный ребенок в чрезвычайной семейной ситуации или болезненная институционализация ребенка – вот две стороны одной и той же российской проблемы.

Озабоченность разных экспертов, участвовавших в исследовании, состоит в том, что ребенок, выросший без семьи, плохо социализирован, в дальнейшем с большим трудом может воспроизвести нормальные семейные отношения, что зачастую приводит к распаду отношений, разводу, к тому, что женщины повторяют опыт своих родителей и оставляют своих детей в сиротских учреждениях. По мнению большинства экспертов, официальное усыновление – лучший способ устроить судьбу ребенка. Жизнь в семье дает возможность адекватной социализации (переживание различных ролей в семье), наблюдения за образцами детско-родительских, супружеских, родственных отношений.

Альтернативные формы воспитания детей-сирот в Санкт-Петербурге и области пока развиты мало (семейные детские дома, семейные группы) – для их создания не приняты все необходимые законы, а те, что приняты, зачастую не выполняются, финансово не подкреплены и не известны людям. Низкий материальный уровень жизни, бедность также сокращают количество семей, которые могли бы взять на воспитание осиротевшего ребенка. По данным Всемирного банка [Положение... 2003. С. 13], фактические доходы се-

мы в 2001 году составляли 35,8 % от уровня 1990 года. Одновременно с этим введение законодательных ограничений в статью 127 СК (требование нормативного уровня дохода и ограничения по жилищным условиям семьи) привело к оттоку россиян даже со средним достатком, желающих усыновить или взять на воспитание ребенка.

Еще одна причина отсутствия стремления к усыновлению – общественные социокультурные установки. Среди них не последнее место занимают мифы, сложившиеся вокруг «непреодолимости дурной наследственности». Кроме того, общество не готово чествовать или признавать усыновителей, даже материально они не поддерживаются государством. Изменение социокультурных установок возможно лишь посредством кардинального изменения информированности населения о возможностях усыновления детей, демонстрации положительных примеров, пропаганды имеющегося отечественного и зарубежного опыта.

Серьезной проблемой является реформирование органов управления министерств и ведомств, занимающихся проблемами детства. Требуется пересмотр функциональных обязанностей между тремя министерствами, отвечающими за реализацию социальной политики в области охраны детства, разграничение стратегической ответственности, систематическое взаимодействие. Существует острая потребность в проведении межведомственных совещаний, на которых специалисты разных ведомств могли бы согласовать общую стратегию работы и социальную политику в области охраны детства. Грядущее реформирование органов муниципальной власти может повлечь за собой новые трудности и расхолаживания. Исполнительная власть Санкт-Петербурга до сих пор, по мнению экспертов, не ставила проблем детства во главу угла, не имела стратегии и тактики решения наиболее проблем, долгосрочных программ развития.

Такие программы должны быть разработаны на государственном уровне и преследовать основную цель – защиту и поддержку семьи. Они должны включать в себя решение следующих задач: защита семьи, создание семейных условий для содержания детей из групп риска, сокращение и постепенный отказ от преобладающего значения учреждений институционального типа. Программы могли бы включать в себя такие направления помощи семьям, как социальная работа и социальные услуги, в том числе психологическое консультирование, работу с неблагополучными семьями и детьми, правовое консультирование, оказание временного приюта семьям и детям т. д. Подобные виды помощи уже оказываются центрами социальной помощи и реабилитации, но по оценке Всемирного банка, они могут удовлетворить всего 20 % от потребностей в таком виде помощи. Новым видом помощи является адресная и разноплановая поддержка матерей с маленькими детьми, которые находятся в сложной жизненной ситуации. Однако каждый случай требует индивидуального подхода, а внедрение системы – серьезного финансирования и обеспечения квалифицированными кадрами.

В целях деинституционализации системы необходимо ежегодно проводить мониторинг оценки решений по размещению детей, обеспечить социальную помощь для семей, которая позволила бы перевести хотя бы часть детей в семейные условия, переориентировать учреждения закрытого типа, а сотрудников по специальным программам трудоустроить, например, в центры по оказанию помощи семье. Однако эта идея вызывает недовольство и неприятие как работников специализированных учреждений, так и чиновников из органов опеки. Первые боятся сокращения числа воспитанников, а значит, сокращения финансирования; вторые считают, что при их невероятной загруженности на них ляжет дополнительная работа. Многие из них считают, что только дома ребенка могут успешно внедрять развивающие программы, которые требуют специальных навыков, оборудования и финансовых затрат. Скрытым мотивом здесь может быть также борьба за ресурсы – властные и финансовые.

В настоящее время некоммерческие неправительственные организации по оказанию социальной помощи населению в России находятся на начальной стадии своего развития, работают в нерегулируемой правовой среде и ощущают сильное противодействие со стороны государственных организаций. Поэтому необходимо разработать правовые рамки, которые бы разделили и устанавливали задачи защиты семьи и детей и предоставили бы неправительственным организациям достаточную степень свободы действий.

Важную роль в связи с возможным сокращением числа детей, которых помещают в дома ребенка и детские дома, должны иметь меры по устройству детей в приемные семьи. Для этого, как мы уже говорили выше, требуется активная пропаганда усыновления, опекуна, проживания детей в приемных семьях. Это, в свою очередь, требует совершенствования базы данных по детям без родителей и потенциальным приемным семьям.

Необходимым элементом является сокращение продолжительности и сложности процесса оформления документов, в особенности на усыновление, а также выплата полноценных пособий семьям, чего не позволяет в настоящее время бюджет. Мы согласны с утверждением, что «для обеспечения защиты прав ребенка при создании замещающей семьи следует исходить из приоритета соблюдения прав и потребностей ребенка (семья подбирается для ребенка, а не наоборот); профессионализма родителей-воспитателей (достигается через отбор и обучение, с учетом критериев и показателей деятельности); наличия системы социальной помощи такой семье и обеспечения психолого-педагогического сопровождения ребенка и всей семьи специалистами» [Начало пути... 2001].

Информационное освещение и пропаганда реформы системы охраны детства, необходимости ее деинституционализации могут оказать существенное влияние на формирование общественного мнения и отношение к этому вопросу различных социальных групп населения, и будут, мы надеемся, способствовать увеличению числа сторонников реформы.

Список литературы

Альциулер Б., Северный А. Россия: государственное насилие против детей: Доклад для Комитета по правам ребенка ООН, 22 сентября 2000 года.

Аналитические материалы о положении детей в Санкт-Петербурге (2001 год). СПб.: Комитет по труду и социальной защите населения Администрации Санкт-Петербурга, 2002. С. 70.

Начало пути: Иные родители, иная семья (формы устройства детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей). М.: Агентство социальной информации, 2001.

Положение детей в РФ: Итоги социальной политики 1990-х годов и перспективы / Всемирный банк. М.: Весь мир, 2003.

Спасение для терпящих бедствие. 8.10.2002 // <http://parent.fio.ru/index.php>. Обращение к ресурсу 04.06.2004.

Adoption and Foster Care Analysis and Reporting System (AFCARS) for the reporting period from January 1999 through March 2003 // US department of Health and Human Services, Administration for children and families, Children's Bureau / <http://www.acf.hhs.gov/programs/cb/publications/afcars.htm>. Обращение к ресурсу 04.02.2004.

Goffman E. Stigma: notes on the management of spoiled identity. N. Y.: Prentice-Hall, 1963.

Wright B. Physical Disability – A Psychological Approach. N. Y.: Harper & Row, 1960.

Любовь Вениаминовна Ежова
социолог, Центр независимых социологических исследований,
Санкт-Петербург

электронная почта: ejova@indepsores.spb.ru

Евгения Моисеевна Порецкина
социолог, Социологический институт Российской академии наук,
Санкт-Петербург

электронная почта: e.poretskina@softhome.net
